

© 2022. Чжан Бяньгэ

Второй Пекинский университет иностранных языков, Пекин, Китай

© 2022. Жэнь Сяошунь

Столичный педагогический университет, Пекин, Китай

Духовное возвышение, выраженное скрытыми нарративными процессами, в повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж»

© 2022. Zhang Biange,

Beijing International Studies University, Beijing, China

© 2022. Ren Xiaoshun

Capital Normal University, Beijing, China

The Spiritual Elevation Expressed by Hidden Narrative Processes in Dostoevsky's Novel "The Eternal Husband"

Информация об авторах:

Чжан Бяньгэ, кандидат филологических наук, профессор, Второй Пекинский университет иностранных языков, ул. Динфучжуан, д. 1, 100024 г. Пекин, Китай.

E-mail: galiazhang@126.com

Жэнь Сяошунь, аспирантка, Столичный педагогический университет, ул. Сисаньхуаньбэйлу, д. 105, 100048 г. Пекин, Китай.

E-mail: 1454611413@qq.com

Аннотация: В повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж» тема духовного возвышения передается двумя скрытыми нарративными процессами, развивающимися параллельно с явным сюжетом, в основе которого лежит тема мести. Каждый из двух имплицитных повествовательных ходов раскрывает сложный духовный рост любовника-обидчика и мужа-жертвы соответственно, и это ста-

новится стратегией выражения замысла автора. Три траектории параллельных нарративов совместно раскрывают многослойные темы повести и показывают многоуровневые коннотации текста. Многие темные места и «лишние» детали становятся ясными и необходимыми при учете скрытых повествовательных процессов, раскрывающих темы падения и спасения.

Ключевые слова: Достоевский, Вечный муж, имплицитный нарративный процесс, спасение.

Для цитирования: Чжан Бяньгэ, Жэнь Сяошунь. Духовное возвышение, выраженное скрытыми нарративными процессами, в повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 123–142. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-123-142>

Information about the authors:

Zhang Biange, Professor, Beijing International Studies University, Dingfuzhuang 1, Beijing, 100024, China.

E-mail: galiazhang@126.com

Ren Xiaoshun, Postgraduate, Capital Normal University, West Third Ring Road North 105, Beijing, 100048, China.

E-mail: 1454611413@qq.com

Abstract: In Dostoevsky's novel "The Eternal Husband", the theme of spiritual elevation is conveyed by two implicit narrative processes developing in parallel with the explicit plot, based on the theme of revenge. Each of the two implicit narrative trajectories reveals the complex vertical spiritual growth of the victimized lover and the victim husband, respectively, which becomes a strategy for expressing the author's intent. The three parallel narrative trajectories together reveal the multilayered themes of the story and the multilayered connotations of the text. Many vague places and "superfluous" details become clear and necessary with the introduction of hidden narrative passages that reveal the themes of fall and salvation.

Keywords: Dostoevsky, "The Eternal Husband", hidden narrative process, salvation.

For citation: Biange, Z., and Xiaoshun, R. "Spiritual Elevation Expressed by Hidden Narrative Processes in Dostoevsky's Novel 'The Eternal Husband'." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (17), 2022, pp. 123–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-123-142>

Повесть Ф.М. Достоевского «Вечный муж» вышла в свет в октябре 1869 года. Критики в то время не до конца понимали это произведение — вне зависимости от того, писали они хвалебные или пренебрежительные отзывы. В качестве примера можно привести В.П. Буренина, критикующего автора за самоповторы: «После таинственности следуют "нервические" диалоги двух главных действующих лиц, в которых автор играет психологическими

мотивами с искусством, хорошо изученным не только им самим, но даже и читателями его прежних произведений» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 482]; или А.Н. Майкова, не понимающего, «какому впечатлению отдаться» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 482]. Последующие исследования, будь то изучение традиции готических романов или психологии подполья, анализ двойственной личности или интертекстуальные исследования, не вырвались за рамки единой сюжетной линии и не смогли полностью раскрыть многоуровневые коннотации произведения, выраженные в высказывании идей в разных руслах. По сравнению с интенсивными исследованиями других произведений эта повесть все еще находится во тьме недосказанности, не получила полной интерпретации.

Первым на сюжетную структуру повести «Вечный муж» обратил внимание русский критик А.Л. Бем. Он обнаружил, что в романе «два повествовательных течения (сюжетные линии)» — внешний реалистический сюжет и внутренний фантастический [Бем, 1924, с. 45]. Однако в процессе обсуждения он все же придерживался принципа единой сюжетной линии и описывал Трусозкого как призрак Вельчанинова, что подвергалось сомнению более поздними исследователями.

В недавнем исследовании А.П. Власкин заметил, что у главного героя в произведениях Достоевского есть много вещей, выходящих за рамки сюжета, и назвал это «художественной избыточностью воображения писателя» [Власкин, 2014, с. 41]. Можно сказать, что эти исследования стали предпосылками нашего исследования имплицитного нарративного процесса в рамках явного сюжета повести.

Имплицитный процесс, сопутствующий развитию сюжета, — это термин нарративной теории, выдвинутой сравнительно недавно китайским ученым Шэнь Дань, предложившим новые базовые принципы для интерпретации повествовательных текстов. Имплицитный процесс — еще одно нарративное движение, которое не зависит от эксплицитного сюжета. Это завуалированное повествовательное течение, параллельное развитию сюжета от начала до конца. «Это не другой сюжет. В тематическом смысле имплицитный процесс и развитие эксплицитного сюжета независимы друг от друга, в основном не пересекаются, но взаимно дополняют друг друга и совместно способствуют выражению темы произведения»¹ [Шэнь

¹ Здесь и далее перевод мой. — Ч.Б.

Дань, 2013, с. 50]. После введения понятия имплицитного нарративного хода, сопутствующего развитию сюжета, многие текстовые детали, которые игнорировались внутри единой сюжетной рамки, были логически объяснены, были раскрыты многие запутанные повествовательные ключи, а затемненные и неясные области стали проясняться.

По поводу двусмысленности в творчестве Достоевского своеобразно высказался Бахтин: «Там, где видели одну мысль, он умел найти и нащупать две мысли, раздвоение; там, где видели одно качество, он вскрывал в нем наличность и другого, противоположного качества» [Бахтин, 1997–2012, т. 2, с. 39]. Этот динамический взгляд на творчество отражается в повести «Вечный муж»: в тексте сочетаются несколько дискурсов и несколько повествовательных ключей, так что творческое мышление писателя может быть расширено на разных уровнях и в разных аспектах.

Далее мы перейдем к разбору эксплицитного сюжета и двух имплицитных нарративных процессов в повести.

I. Эксплицитный сюжет и имплицитные нарративные процессы в повести «Вечный муж».

Эксплицитный сюжет — это внешняя траектория повествования в произведении, содержание и значение которой — то, что читатели привычно считают, в то время как смысл скрытого процесса они часто упускают. Современный критик Porter Abbot говорит о необходимости учета неявных повествовательных процессов (он назвал их «повествовательными пробелами») при интерпретации. Эти процессы неявны «не потому, что их значение слишком скрыто, а в основном потому, что границы способности читателя к интерпретации не позволяют ему обнаружить это значение прямо перед собой» [Портер Эббот, 2015, с. 153]. В повести «Вечный муж» под эксплицитной сюжетной линией скрываются два других имплицитных повествовательных хода, которые мы называем имплицитный процесс I и имплицитный процесс II. Имплицитный процесс I описывает движение духовного восхождения любовника Вельчанинова, а имплицитный процесс II следует за направлением самосознания мужа Труссоцкого. Эти три повествовательных трека проходят через произведение от начала до конца, вместе раскрывая множественную семантику текста. Чтобы проиллюстрировать эту структуру, мы сна-

чала кратко их обрисует и объясним смысл, передаваемый в каждом повествовательном треке, а затем выберем несколько ключевых фрагментов и сопоставим их, чтобы проиллюстрировать тот факт, что они симбиотически сосуществуют в тексте.

Эксплицитный сюжет повести «Вечный муж» можно передать следующим образом. После смерти жены муж Трусоцкий обнаружил письмо, написанное женой своему любовнику девять лет назад, и узнал подлинный статус своей дочери. Его отношение к дочери переходит от любви к ненависти, и он в гневе увозит ее в Петербург, чтобы отомстить Вельчанинову, биологическому отцу Лизы и давнему любовнику своей жены. В процессе мести муж-жертва носит круглую шляпу с траурным крепом — и по ночам снова и снова посещает резиденцию любовника-обидчика, оказывая на него психологическое давление, так что последний постепенно подчиняется ему и признает свои преступления. Трусоцкий также бросает свою измученную дочь любовнику, в результате чего Лиза вскоре умирает, тем самым нанося ему тяжелый удар. После этого он приглашает бывшего любовника жены в гости к своей молодой невесте, чтобы испытать его и поставить его в тупик, но в итоге сам попадает в переделку. В конце концов муж-жертва сводит счеты с бывшим любовником жены и пытается убить его, после того как его высмеяли Вельчанинов и жених его новой невесты. В конце концов любовник-обидчик прощает попытку убийства мужа-жертвы и его отпускает. Два года спустя бывший любовник жены и муж неожиданно встречаются на вокзале на юге; они оба возвращаются на свои жизненные рельсы: любовник вернулся к развратной жизни, муж снова женится и снова низводится до статуса «вечного мужа».

В эксплицитном сюжете муж Трусоцкий — страшный мститель, «вечный муж» — рогоносец, униженный неверностью жены. Его внешность отталкивает, его присутствие всегда навевает атмосферу мрачной смерти; его месть раскрывает его коварную злобу. Показать темную психологию человека в подполье стало главной задачей в явном сюжете, — и это всегда было в центре внимания исследователей.

Имплицитный процесс нарратива I очерчивает траекторию духовного восхождения Вельчанинова. В начале повести он находится в предельном состоянии меланхолии. Его мучают бессонница и ночные кошмары, но он наслаждается своим одиночеством вдали от толпы, предпочитая оставаться в невыносимой жаре Петербурга,

словно в чистилище, чтобы попытаться разрушить свою **непосредственность** (по выражению философа Серена Кьеркегора) — слепоту отсутствия способности размышлять — через познание самого себя. Многие исследователи [Щенникова, 2008, с. 46] заметили, что процесс духовного восхождения Вельчанинова начинается с двух типов воспоминаний: «воспоминания низкого уровня и воспоминания высокого уровня» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 6]. Первые связаны с тем, что его оскорбляли другие, а вторые являются результатом различных случаев, когда он унижал других. По сравнению с «низкоуровневыми воспоминаниями» эти «высокоуровневые воспоминания» указывают на прошлое Вельчанинова, в котором он потакал своим физическим инстинктам и следовал чувственным желаниям. Это причина, по которой он так расстроен сейчас, когда его прошлые действия являются ему как преступные. Он испытывает борьбу за обретение индивидуального самосознания, рождающегося из чувства вины: ночью он вынужден размышлять из-за глубокого чувства греха и желания быть самим собой, а утром стремится вернуться к старой жизни — найти себе место в толпе людей и потерять себя. По мере развития эксплицитного сюжета он начинает испытывать внутри себя движение духовного восхождения. Переноса без сопротивления психологические пытки мужа-мстителя снова и снова, он все больше осознает свои грехи и завершает процесс духовного восстановления. После встречи с родной дочерью Лизой в сердце Вельчанинова проснулась бескорыстная любовь, он отрекается от прежней опустошенной жизни и жаждет обрести смысл жизни. Смерть Лизы пробудила в нем сильную потребность искупления: этот невинно страдающий ребенок, пришедший в мир из-за его грехов и оставивший мир из-за его грехов, стал символом его спасения. Каждый раз, когда его искушала похоть, имя Лизы пробуждало его, спасая от погружения в грех. Образ Лизы в этом смысле имеет символическое значение, указывая неявно на безвинно страдающего за грехи людей Спасителя. И этот образ выполняет такую функцию в двух имплицитных нарративных ходах, ярче проявляясь по мере хода повествования.

Многие исследователи узнают в Вельчанинове образ Свидригайлова из «Преступления и наказания»: общей чертой героев является потакание плотской похоти. Как утверждает В.Я. Кирпотин: «Достоевский в задуманном облегченном рассказе снижал Свидригайлова до Вельчанинова и отсекал Вельчанинова от Свидри-

гайлова» [Кирпотин, 1983, с. 208]. Мы полагаем, что Вельчанинов здесь — новый образ, завершающий движение духовного восхождения, приостановленное в романе «Преступление и наказание» самоубийством Свидригайлова. В то же время Вельчанинов отличается от людей в экстремальных ситуациях, которые часто встречаются в творчестве Достоевского. И создание такого образа в нейтральном состоянии, чтобы показать духовное движение сопротивления погружению в него, является более универсальным: каким бы ни был человек, его нужно вытащить из ложного состояния стабильности, он должен пережить скрытое внутреннее беспокойство и отстраниться от недуховного, неморального существования. Это также более полное выражение реализма в высшем смысле: во всех людях есть неугасимая божественность, момент божественного проявления. Как пишет Н.А. Бердяев: «И самое падшее человеческое существо сохраняет образ и подобие Божие» [Бердяев, 1923, с. 107].

За духовным восхождением Вельчанинова стоит имплицитный нарративный процесс II, демонстрирующий самосознание Трусоцкого, непристойного и презренного мстителя в искаженном видении Вельчанинова, и этот процесс подразумевает сочувствие и сострадание писателя к герою. Открытие этого идеографического трека имеет важное значение для всестороннего и объективного понимания внутреннего мира Трусоцкого и понимания творческой поэтики автора. Этот идеографический трек более скрыт и менее заметен, чем предыдущий скрытый нарративный процесс I. Если рассмотреть стратегию повествования, то повесть написана от третьего лица, но с точки зрения любовника Вельчанинова, так что Трусоцкий всегда находится в мрачной тени тайны, созданной внешним фокусом, и в ненадежном наблюдении и оценивании любовника Вельчанинова. Однако если обратить внимание на детали повествования, отклоняющиеся от сюжетной линии, этот семантический след становится очевидным.

Прежде всего это глубокий семантический смысл, скрыто передаваемый именами персонажа. На протяжении всего текста к Трусоцкому обращаются по имени и отчеству — Павел Павлович, и только в отдельных местах его называют господином Трусоцким. Комментируя функцию имени главного героя в произведении, Т.А. Касаткина пишет: «В тексте Достоевского имя персонажа обладает несколькими важнейшими функциями. Во-первых, по отношению к целому произведению, оно организует второй — сим-

волический, а не событийный — сюжет произведения <...> зачастую имя — самый очевидный путь к нахождению ключевого текста или “ключевой традиции” произведения» [Касаткина, 2015, с. 342].

В русской культуре обращение к людям по имени и отчеству является знаком уважения, в то время как обращение по фамилии свидетельствует об отчуждении. Обращение к главному герою подразумевает извилистую оценочную стратегию со стороны писателя. У главного героя повести Труссоцкого имя и отчество — Павел Павлович. Наложение имени и отчества Павел указывает на его связь с божественным. Сочетание имени Павел в православной культуре подчеркивает скрытый смысл его превращения из грешника Савла в апостола Павла, что намекает на возможность спасения грешников. Эта заветная идея также является главной темой черновика Достоевского 1867–1870 годов «Житие великого грешника». В повести «Вечный муж» Павел Павлович — жертва неверности жены и обмана любовника, заслуживает сочувствия и сострадания по закону справедливости. Напротив, любовник Вельчанинов почти всегда называется по фамилии, что также свидетельствует о моральном суждении писателя о том, что герой преступил границы семьи, поставленные по Божией воле и имеющие священный смысл, к обретению которого с усилием стремится муж-жертва. И Труссоцкого, называемого Вельчаниновым «шутом», «дураком», «вечным мужем», нужно рассматривать в свете свойственной творчеству писателя поэтики как человека с достоинством, как личность. Об этом пишет В.Н. Захаров: «У Достоевского нет лишних и маленьких людей. Они принципиально невозможны в его мире. Каждый безмерен и значим, у каждого — свое Лицо» [Захаров, 2013, с. 32].

Во-вторых, это самосознание, обретаемое в предельной форме отчаяния. По мере того как разворачивается эксплицитный сюжет повести, время от времени возникает это подводное течение повествования: пытая любовника-обидчика, Павел Павлович сам себя терзает; подражая развратной жизни любовника, он испытывает сильное чувство неполноценности; месть достигает своего апогея — замучив до смерти любимую дочь, он также ощущает сильную боль; в поисках идентичности с «хищным» или «смирным» типом он истязает любовника-обидчика и пытается понять самого себя. Если у Вельчанинова путь обретения самосознания — это непосредственное меланхоличное ощущение присутствия греха, то у Труссоцкого — это путь переживания отчаяния. Как пишет Кьеркегор: «Тот,

кто отчаивается, в своем отчаянии стремится быть самым собою» [Кьеркегор, 2014, с. 36]. Значит, Трусоцкий хочет приобрести личность через обретение отчаяния. Другими словами, посредством цинизма и даже разврата и преступления он проходит путь от доверия ко всему до сомнения и ниспровержения всего ценного, вплоть до жертвования возлюбленной дочкой, а затем вновь обретает утраченные ценности посреди крушения. Мучая любовника-обидчика, он принуждает его и подталкивает к тому, чтобы тот завершил духовное движение исповеди-раскаяния и попытался вернуться к «благородным чувствам» и этической жизни, которую Трусоцкий представляет себе в своем сердце. Это формирует имплицитный нарративный процесс II в тексте повести.

В итоге скрытый ход повествования вводится для того, чтобы проанализировать более глубокие смыслы, стоящие за эксплицитным сюжетом повести. Шэнь Дань считает: «Стоит изучить, какие детали, отклоняющиеся от основных линий действия, выбирает для передачи повествовательный дискурс, поскольку эти детали часто являются важным носителем глубинного смысла повести» [Шэнь Дань, 2011, с. 28].

В повести «Вечный муж» происходит двойное отклонение повествования. С одной стороны, это отклонение, связанное с выбором событий, далеких от основных линий действия: эксплицитный сюжет повести — это история мести мужа-жертвы любовнику-обидчику, но начинается она с фокуса на внутреннем переживании любовника-обидчика — целая глава посвящается подробному описанию духовного кризиса любовника-обидчика. В ходе разворачивающегося сюжета о мести происходят духовные приключения любовника-обидчика, являющиеся избыточными для эксплицитной сюжетной линии. С другой стороны, наблюдается отклонение от оценочных ожиданий: в то время как читатель связан точкой зрения любовника, принимая его как «жертву» мести и сочувствуя ему, рассказчик выступает с резкой сатирой против него — пока тот разглагольствует о «вечном муже», ставшем преступником, он получает письмо, разоблачающее его адюльтерные преступления, причем настолько, что оно полностью разрушает достоверность его предыдущих наблюдений и заставляет читателя переосмыслить образ Трусоцкого. Более того, при рассмотрении встреч мужа-жертвы с любовником-обидчиком как ряда психологических пыток, которым подвергается последний, становится очевидным, что текст содержит

множество ненужных для сюжетной линии деталей, воплощенных в искренних признаниях мужа-жертвы любовнику-обидчику, звучащих снова и снова, особенно в избыточных рассуждениях о «смирненном» и «хищном» типах. Эти повествовательные отклонения в тексте заставляют читателя переосмыслить его, сосредоточиться на Вельчанинове как на личности и переоценить Труссоцкого как личность. С помощью этих стратегических отклонений Достоевский переносит глубинный смысл своей работы с психологического анализа на динамическое исследование человеческой природы, практикуя поэтику реализма в высшем смысле.

Далее мы выбрали несколько ключевых моментов для анализа одновременного сосуществования и совмещения эксплицитных эпизодов (явной сюжетной линии) и имплицитных процессов (ходов).

II. Нарративное движение в названии и начале текста: разоблачение грехов и перенесение испытаний

В названии повести заключен смысл сразу трех повествовательных треков. В эксплицитном сюжете «вечный муж» — это муж, униженный неверностью жены, мучитель любовника-обидчика и комический клоун. В имплицитном процессе I «вечный муж» является движущей силой, заставляющей любовника-обидчика переносить страдания и избегать искушений, той тягой, которая помогает любовнику-обидчику завершить духовное восхождение. В более глубоком, скрытом процессе II «вечный муж» — это человек, который обретает самопознание и духовные силы, чтобы вернуться к нравственной жизни.

Повесть начинается с имплицитного нарративного процесса I, демонстрирующего духовное движение Вельчанинова: кажется, что здесь отсутствует завязка эксплицитного сюжета. Но при более внимательном рассмотрении всего текста выясняется, что это начало является одновременно и стартом процесса мести в явном сюжете, и стартом самоощущения Труссоцкого в имплицитном нарративном процессе II.

Травмы, полученные Труссоцким в предыстории, его страдания от унижения эхом отзываются в воспоминаниях Вельчанинова о тех, кто был унижен его развратной жизнью, особенно в воспоминании о старике, который «рыдал и закрывался руками как ребенок» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с.8]. Узнавание этого предварительного

сюжета и его динамическая трансформация в последующую дискуссию между понятиями «смирный» и «хищный» составляет основу скрытого нарративного процесса II.

В начале повести в скрытом процессе I обнаруживается момент духовного кризиса у любовника Вельчанинова — он начал сомневаться в смысле своей прошлой жизни; а в скрытом процессе II Трусозкий испытывает то же, «как бы потеряв свою цель» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 19]. Они оба пережили духовный кризис в один и тот же момент — «три месяца назад» — когда умерла жена Трусозкого. Другими словами, оба они вырвались из оков прошлого, которые в настоящее время представляются своего рода рабством — порабощением человеческой личности, духовного существа человека, похотью. Это символическое значение распространяется и на толкование образа жены. В эксплицитном сюжете она — властная развратница, в имплицитном процессе ее духовная слепота и своеволие — метафора самой похоти и непосредственности — природной предрасположенности к неспособности размышлять. Она унизила своего мужа и потопила своего любовника, но при этом считает себя праведной без всякой причины: «Она ненавидела разврат, осуждала его с неимоверным ожесточением и — сама была развратна. Никакие факты не могли бы никогда привести ее к сознанию в своем собственном разврате» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 28]. Ее смерть освобождает мужа и любовника от оков и позволяет им начать духовный поиск на пути к становлению экзистенциальными личностями.

Важным элементом эксплицитного сюжета, в котором муж мстит любовнику-обидчику, являются повторяющиеся ночные визиты мужа в квартиру Вельчанинова, с каламбурами, в которых прослеживается ирония над этическими грехами, совершенными любовником. Во-первых, он создает реалистический контрапункт характеров с историей мужа-жены-любовника в пьесе Тургенева «Провинциалка»; потом намекает на Вельчанинова и поступок другого погибшего любовника, тем самым заставляя его испытывать смертельную тревогу. При этом в дневной жизни муж-жертва много пьет и развлекается с проститутками. Эта пародия на образ жизни Вельчанинова в явном сюжете прямо признается им — он говорит, что стал повесой, «vaurien» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 22]. Другими словами, он снижающим и унижающим образом пародирует Вельчанинова. В имплицитном нарративном процессе II,

напротив, его поведение раскрывается как самоуничтожение в форме моральной деградации, наказание себя за унижение собственным невежеством и одновременно эксперимент над собой, чтобы измерить возможную глубину человеческого падения. В явном сюжете Трусозкий опирается на статью о «хищном» и «смирном» типах, чтобы объяснить изменения своей личности: из смиренного он превращается в хищного, получающего ненасытное удовольствие от психологического терзания своей жертвы — любовника-обидчика. В имплицитном нарративном процессе I моральная личность бывшего любовника-обидчика трансформируется из похотливого и хищного человека в смиренного, обладающего религиозными качествами, по мере того как он переносит наказания и испытывает искушения. Аналогичным образом деталь принуждения мужем любовника к поцелую в эксплицитном сюжете заставляет его инсценировать предательский поцелуй Иуды, тем самым подспудно, но наглядно обвинив его в предательстве своего доверия. А в имплицитном нарративном процессе I это действие является напоминанием о совести любовнику-обидчику, его раскаянием в предательстве дружбы. В то же время в имплицитном процессе повествования II возникает желание простить другого человека и помириться с ним: «<...> неужто и этот? уж если этот, думаю, если уж и он тоже, так кому же после этого верить!» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 50]. Его слезное признание показывает, что в душе он не хочет быть хищным садистом, но жаждет обретения доброго качества — доверия; он также не хочет, чтобы собеседник оказался подлым предателем, это против его доброй и простой натуры.

Через исследование этих изменений раскрывается динамичный взгляд Достоевского на человеческую природу: нет строгой границы между «хищным» и «смирным», и смиренный может стать хищным.

В эксплицитном сюжете муж-жертва испытывает удовольствие от доминирования над своей партнером, заставляя его дрожать от страха и подчиняться хищной силе власти с помощью различных психологических пыток. Но с точки зрения имплицитного нарративного хода II процесс принуждения другого человека к подчинению — это также процесс самоистязания, который сопровождается его собственной болью и страданием.

Ключом к мести является тот факт, что сам мститель считает справедливостью достижение ее крайними средствами, чтобы нане-

сенная травма была возмещена. Но вопрос в том, как долго можно мучить другого человека, держа его в постоянном страхе, чтобы это не вышло далеко за рамки того, что может быть оправдано мстостью. Этот процесс становится процессом духовного восхождения Вельчанинова через испытания и невзгоды, как и процесс подобного движения Труссоцкого, который наказывает любовника-обидчика и косвенно себя, достигая самопознания путем страдания.

III. Нарративное движение в середине текста: духовное искупление vs. деградация

Лиза, невинное страдающее дитя, в творчестве Достоевского имеет разные смысловые значения, выполняя важную функцию во всех трех нарративных треках повести. В явном сюжете Лиза — жертва греха, средоточие всех грехов в треугольнике «муж-жена-любовник». Труссоцкий намекает каламбуром, что Лиза — это доказательство вины любовника Вельчанинова: «Да наша Лиза, дочь наша Лиза!» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 33]. Другими словами: это наша общая с вами дочь; подразумевается, что мы оба виновны в ее рождении и являемся ее отцами — приемным и биологическим. В скрытом нарративном треке Лиза, точнее имя Лизы, становится главным импульсом повествования о спасении. Она дает надежду грешным как приемному, так и биологическому отцам, становясь движущей силой их духовного восхождения. Труссоцкий с умилением признается: «Для меня она всё составила своим появлением, так что если б и исчезло по воле Божьей мое тихое счастье, — так вот, думаю, останется мне Лиза; вот что по крайней мере я твердо знал-с!» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с.34]. Биологическому отцу, Вельчанинову, Лиза вернула смысл жизни: «<...> теперь в этом вся жизнь и вся моя цель!» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с.50] В скрытом нарративном процессе I Лиза становится символом духовного искупления Вельчанинова, способствуя его духовному восхождению: «Любовью Лизы, — мечтал он, — очистилась и искупилась бы вся моя прежняя смрадная и бесполезная жизнь; взамен меня, праздного, порочного и отжившего, — я взлелеял бы для жизни чистое и прекрасное существо, и за это существо всё было бы мне прощено, и всё бы я сам простил себе» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с.62]. При каждом искушении Лиза становится Вельчанинову напоминанием о его совести, не давая ему опуститься еще ниже,

становясь символом его спасения. Когда Трусоцкий соблазняет его пойти в дом Захлебенина, где собираются молодые девушки, предвидя, что его может искусить похоть, Вельчанинов внутренне произносит имя Лизы, чтобы остановить свой духовный упадок.

В имплицитном нарративном процессе II Лиза аналогичным образом подталкивает Трусоцкого к самосознанию и становится силой, способствующей его спасению. Узнав о смерти Лизы, он глубоко почувствовал осуждение своей совести; даже когда он был пьян и дурачился, он чувствовал себя грешным и хотел покаяться: «<...> Павел Павлович поднял с усилием свою дрожавшую правую руку, чтоб перекреститься <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 60]. Уезжая окончательно из Петербурга, Трусоцкий также завершил свою греховную жизнь, помянув Лизу состраданием к бедным: «Ничим пустился деньги раскидывать, за упокой души Лизаветы <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с.105].

Итак, Лиза, невинный страдающий ребенок в эксплицитном сюжете, становится в двух имплицитных нарративных процессах импульсом для биологического и приемного отцов — грешников в прошлом и настоящем — к выходу из их падения в искупление.

Если Лиза является позитивной движущей силой как явного, так и скрытого повествовательного процесса в середине повести, то опыт ухаживания в семье Захлебениных управляет движением повествования противоположным образом — путем соблазна.

Дом Захлебениных становится еще одним местом встречи для развития явной линии сюжета и скрытых ходов повествования. Увидев душевную перемену Вельчанинова по возвращении с кладбища, Трусоцкий приглашает его посетить с ним дом Захлебенина посмотреть свою молодую невесту, обещая взамен открыться ему: «А потом, когда приедем обратно, я всё разверну перед вами как на исповеди» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 68]. Одновременно он испытывает Вельчанинова: «Я к вам шел и надежду основал на благородстве особенных чувств вашего сердца, Алексей Иванович, — именно на тех самых чувствах, которые в последнее время могли быть в вашем сердце возбуждены-с...» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 67].

Эта деталь обладает множественной семантикой в тексте. С точки зрения явного сюжета, можно сказать, что это часть плана мести, чтобы опозорить любовника-обидчика, показав ему свою невесту и ложно заявив, что поездка Вельчанинова была предпри-

нята для сватовства к старшей дочери семьи, тем самым смутив его. В то же время любовнику-обидчику предоставлено проявить свою похотливую натуру среди молодых девушек, иронически объясняя его поведение «благородными чувствами».

С точки зрения имплицитного нарративного процесса I, размышления об искушениях, которым подвергается семья Захлебниных, представляют собой важный этап духовного восхождения Вельчанинова. Не в силах устоять перед соблазном, Вельчанинов приковывает внимание девушек, демонстрируя свою мужественность, отпускает остроты и каламбуры и самозабвенно поет постыдные романсы. Мимолетная радость, которую он испытывает в окружении девушек, вскоре превращается в бесконечную муку, которая терзает его.

Если предыдущие размышления Вельчанинова о своих прошлых преступлениях происходили через различные воспоминания и оставались на уровне человеческого опыта, то искушения, которые он испытал здесь, и его внутреннее раскаяние вывели его на более глубокий человеческий уровень осознания, признания слабости собственной природы, склонной поддаваться инстинктивным желаниям.

Досада и раскаяние Вельчанинова — это процесс самоисследования в его отчаянном стремлении освободиться от рабства подвластности инстинктивным желаниям путем истязания своего внутреннего «я», даже борьбы с ними через самоуничтожение, и именно на этом рефлексивном, покаянном пути его духовное состояние непрерывно возвышается.

И с точки зрения имплицитного нарративного процесса II, визит в дом Захлебнина также может быть описан как действие Трусоцкого, направленное на попытку примирения с Вельчаниновым. Видя духовную перемену, произошедшую в Вельчанинове после его возвращения с могилы Лизы, Трусоцкий также был глубоко тронут и хотел использовать эту перемену для примирения с ним. Он солгал, что любовник его жены Вельчанинов собирается сделать предложение прекрасной старшей дочери семьи Захлебнина; солгал из благих намерений, в надежде, что тот покончит со своей холостой и блудливой жизнью и перестанет жаждать невесту Трусоцкого. Предложение и брак имели бы, по мнению Трусоцкого, святую силу, чтобы спасти и Вельчанинова от падшей и греховной жизни: «Я совсем не могу без женитьбы-с и — без новой веры-с; уве-

рую и воскресну-с». [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 86] Он хочет спасти себя от жизни в пьянстве и деградации, женившись. Он не хочет больше жить развратной жизнью, но мечтает искупить себя через веру и брак. В отличие от разврата, который бросает вызов этике и морали, брак дает духовное спасение. Ведь в разврате человек ищет похотливого удовлетворения, погружая себя в рабство желания, тогда как в браке он призван к самопожертвованию и ответственности — к духовному восхождению. В эпилоге мы читаем о том, как Труссоцкий берет в жены дочь благочинного, вступает в брак и таким образом приближается к религиозной жизни.

IV. ИмPLICITные нарративные процессы в эпилоге: духовное движение между спуском и подъемом

В последней части и в эпилоге повести происходит поворот к исходной точке как в явном сюжете, так и в имPLICITных процессах повествования. С точки зрения очевидного сюжета, после запугивания и покушения на убийство любовника-обидчика мужем-жертвой, Труссоцкий был великодушно прощен Вельчаниновым, уехал из Петербурга и начал новую жизнь. И муж, и любовник получили психологическую компенсацию, аналогичную расчистке счетов в транзакции. Но в скрытых нарративных процессах, с другой стороны, после того, как расстались, они пошли по разным путям духовного развития.

С точки зрения эксплицитного сюжета, бывшие любовник и муж возвращаются к прежней жизни. Вельчанинов выходит из своего психологического кризиса и «с таким вновь возрожденным и самоуверенным видом» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 107] возвращается в группу «все», от которой с трудом отделился, когда начал переживать свой психологический кризис; возвращается к жизни, которая была внешне легкой, но внутренне безразличной: «Как бы там ни трещало у них общественное здание и что бы они там ни трубили, — думал он иногда, приглядываясь и прислушиваясь ко всему чудесному и невероятному, совершающемуся кругом него и по всей России, — во что бы там ни перерождались люди и мысли, у меня все-таки всегда будет хоть этот тонкий и вкусный обед, за который я теперь сажусь, а стало быть, я ко всему приготовлен» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 107]. И Труссоцкий снова женат на красавице, которой он подчиняется и которую сопровождает

молодой офицерик — сцена, почти до мелочей повторяющая старую комбинацию «муж-жена-любовник», в соответствии с названием «вечный муж». Но все кажется по-другому в плане имплицитных нарративных процессов. В этой нисходящей спирали у обоих мужчин происходит восходящее внутреннее движение, сопротивляющееся падению. Это показано в эпилоге.

Из имплицитного процесса II следует, что Трусоцкий женился на «дочери благочинного» не только из-за ее красоты, но и из стремления приблизиться к божественной жизни, и что, приняв недостойного сына своей умершей кузины, он показал красоту своей нравственной жизни — сочувствие сиротам и помощь близким. Возвращаясь к его первоначальным высказываниям о спасительной функции брака, можно увидеть последовательную траекторию духовного восхождения. А в плане имплицитного нарративного процесса I Вельчанинов снова почти поддается искушению — посетить женщину, которая манит. «Но он всё еще колебался и не решался окончательно»; он «ждет толчка» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 107]. Тот же самый импульс, который заставил его увидеть интересную женщину в эксплицитном сюжете, толкает его в противоположном направлении в имплицитном процессе I. На этот раз речь идет об искупительной силе имени «Лиза». Трусоцкий, попавший в конфузную ситуацию, сильно тревожится, что Вельчанинов опять вмешается в его отношения с новой женой и повторит трагедии прошлого — Вельчанинов уже приглашен его женой, которая благодарна ему за избавление ее из неловкой ситуации. В своем отчаянии Трусоцкий обращается к символу их общего страдания и спасения: «— А Лиза-то-с? — пролепетал он быстрым шепотом, — и вдруг запрыгали его губы, щеки и подбородок, и слезы хлынули из глаз. Вельчанинов стоял перед ним как столб» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 112].

Эта деталь очень типична для пересечения трех повествовательных треков. В явном процессе повествования Трусоцкий перехватывает угрозу Вельчанинова в свой адрес. В скрытом ходе повествования I бывший муж-жертва искупительной силой их общей дочери, пострадавшей от их общих грехов, пробуждает совесть бывшего любовника-обидчика, прерывает процесс его духовного упадка. Имя Лизы опять становится движущей силой спасения Вельчанинова от духовного падения: он выбирает другой путь, отличный от пути потакания похоти: «Вельчанинов остался на

станции и только к вечеру отправился в дорогу, дождавшись нового поезда и по прежнему пути. Вправо, к уездной знакомке, он не поехал, — слишком уж был не в духе» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 112]. В имплицитном нарративном процессе II видно, что Труссоцкий никогда не забывал Лизу — умершую в результате его мучений. Эта память позволила ему сохранить чувство вины и покаяния за Лизу, а также стала духовной силой, помогающей ему отвергнуть грех и вернуться в моральную жизнь.

Однако Ф.М. Достоевский, понимающий всю сложность человеческой природы, не ставит своих героев на прямой восходящий путь к духовному спасению. После того как появляется кажущееся движение вверх, автор сразу же возвращается к реальности сложной человеческой природы: Вельчанинов испытывает сожаление о том, что не пошел развлекаться: «И как жалел потом!» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 112]. Ведь человек капризен, меняется время от времени, и трудно предсказать, кем он становится. Об этом пишет М.М. Бахтин: «Пока человек жив, он живет тем, что еще не завершено и еще не сказал своего последнего слова» [Бахтин, 1997–2012, т. 6, с. 69]. Повесть заканчивается открытым финалом, оставляя право суждения за читателем, демонстрируя полное уважение к свободной воле читателя. Духовные подъемы и спуски, переживаемые героями повести, не причисляют их к лику святых. Они, как и сама жизнь, цикличны и непредсказуемы. Однако, несомненно, что в процессе жизни обоих героев происходит духовное движение сопротивления нисхождению, падению.

Заключение

В повести «Вечный муж» Достоевский использует эксплицитный сюжет для выражения тем и содержания, доступных разным читателям. Это повесть мести и саспенса, разворачивающийся садистско-мазохистский психоанализ, который убедительно являет нам Достоевского как мастера психоанализа и мастера построения сюжета. А с помощью имплицитных нарративных процессов писатель выражает свое философское размышление о существовании человека в жизни: каждый человек должен освободиться от контроля слепой непосредственности и стать рефлексирующей личностью, обращенной к самопознанию. В то же время имплицитные ходы

повествования раскрывают его заветные нравственные идеалы и сострадание к человеку: в глубине души любой человек не желает падать, и у каждого есть возможность обрести спасение. В имплицитных нарративных процессах автор позволяет нам увидеть как духовное восхождение раскаявшегося любовника-обидчика, так и стремление к самопознанию мужа-жертвы, пытающегося вернуться к нравственной жизни. Писатель одновременно сочувствует и страдает обоим героям. В динамичном творчестве, где сосуществуют ирония и сострадание, писатель переходит от раскрытия человеческой психики к заботе о человеке как духовном существе, и мир смыслов текста становится шире, прорываясь сквозь психологическую ограниченность и открывая пространство этики, морали и религиозной философии.

Список литературы

1. Бахтин, 1997–2012 — *Бахтин М.М.* Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 1997–2012.
2. Бем, 1924 — *Бем А.Л.* Развёртывание сна («Вечный муж» Достоевского) // Учёные записки Русской учебной коллегии в Праге: сб. статей. Прага: Исторические и филологические знания, 1924. С. 45–49.
3. Бердяев, 1923 — *Бердяев Н.А.* Мировоззрение Достоевского. Прага: Издание The YMCA PRESS Ltd, 1923. 238 с. URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/berdyayev_1923.pdf (дата обращения: 25.09. 2021).
4. Власкин, 2014 — *Власкин А.П.* Художественная избыточность романного творчества Достоевского И «Вечный Муж» // *The Dostoevsky Journal: An Independent Review.* 2014. Vol.14. №1. С. 41–51.
5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Захаров, 2013 — *Захаров В.Н.* Имя автора — Достоевский. М.: ИНДРИК. 2013. 455 с.
7. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН. 2015. 528 с.
8. Кирпотин, 1983 — *Кирпотин В.Я.* Мир Достоевского. М.: Советский писатель. 1983. 471 с.
9. Кьеркегор, 2014 — *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти / пер. Н. Иваевой и С. Иваева. М.: Академический проект. 2014. 160 с.
10. Щенникова, 2008 — *Щенникова Л.П.* Вечный муж // Достоевский: сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский Дом. 2008. С. 45–49.
11. Шэнь Дань, 2011 — *Шэнь Дань.* Глубинный смысл нарративных произведений в свете функции нарративного дискурса // Социальная наука провинции Цзянси. 2011. №11. С. 24–30. (Публикация на китайском языке)
12. Шэнь Дань, 2013 — *Шэнь Дань.* Что такое «скрытое движение» повествования? Как его обнаружить? // Исследование иностранной литературы. 2013. №5, С. 47–53. (Публикация на китайском языке)

13. Портер Эббот, 2015 — *Портер Эббот*. Рецензия: Стилистика и риторика короткой повествовательной беллетристики: Скрытое развитие событий за открытыми сюжетами / пер. на китайский Хуэй Хайфун // Иностранная литература. 2015. №1. С. 152–160. (Публикация на китайском языке)

References

1. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii v 7 tomakh* [Complete Works in 7 vols]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997–2010. (In Russ.)
2. Bem, A.L. “Razviortyvanie sna (‘Vechnyi muzh Dostoevskogo’)” [“Unfolding the Dream (Dostoevsky’s ‘The Eternal Husband’)”]. *Uchenye zapiski Russkoi uchebnoi Kollegii v Prage: sbornik statei* [Scientific Notes of the Russian Collegium of Education in Prague: Collected Articles], Prague, Istoricheskie i filologicheskie znaniia Publ., 1924, pp. 45–49. (In Russ.)
3. Berdiaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskago* [Dostoevsky’s Worldview]. Prague, The YMCA PRESS Ltd Publ., 1923. 238 p. https://fedordostoevsky.ru/pdf/berdyaev_1923.pdf. Accessed 25 Sept. 2021. (In Russ.)
4. Vlaskin, A.P. “Khudozhestvennaia izbytochnost’ romannogo tvorchestva Dostoevskogo i ‘Vechnyi Muzh’” [“Poetic Excess in Dostoevsky’s Novelistic Technique and ‘The Eternal Husband’”]. *The Dostoevsky Journal: An Independent Review*, vol. 14, no. 1, 2014, pp. 41–51. (In Russ.)
5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Zakharov, V.N. *Imia avtora — Dostoevskii* [The Author’s Name is Dostoevsky]. Moscow, INDRIK Publ., 2013. 455 p. (In Russ.)
7. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniiah F.M. Dostoevskogo* [The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
8. Kirpotin, V.Ia. *Mir Dostoevskogo* [Dostoevsky’s World]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1983. 471 p. (In Russ.)
9. K’erkegor, S. *Bolezn’ k smerti* [The Sickness Unto Death]. Trans. by Natalia Ivaeva and Sergey Ivaev. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2014. 160 p. (In Russ.)
10. Shchennikova, L.P. “Vechnyi muzh” [“The Eternal Husband”]. *Dostoevskii: sochineniia, pis'ma, dokumenty. Slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, letters, documents. Dictionary-Reference Book], St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2008, pp. 45–49. (In Russ.)
11. Shen Dan. “The Deep Meaning of Narrative Works in Light of the Function of Narrative Discourse”. *Social Sciences in the Province of Jiangxi*, 2011, no. 11, pp. 24–30. (In Chinese)
12. Shen Dan. “What is ‘Covert Progression’ and How to Uncover it?”. *Studies in Foreign Literature*, 2013, no. 5, pp. 47–53. (In Chinese)
13. Abbott, H. Porter. “Review: Style and Rhetoric of Short Narrative Fiction: Covert Progressions Behind Overt Plots”. Trans. by Huei Haifeng, *Foreign Literature*, 2015, no. 1, pp. 152–160. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию: 17.10.2021

Одобрена после рецензирования: 21.10.2021

Принята к публикации: 23.01.2021

Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 17 Oct. 2021

Approved after reviewing: 21 Oct. 2021

Accepted for publication: 23 Jan. 2021

Date of publication: 25 Mar. 2022